

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л78

Danielle Lori
The Maddest Obsession

Печатается с разрешения литературного агентства Danielle Lori LLC

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form without written consent of the author, except by a reviewer who may quote brief passages for review purposes only. This is a work of fiction.

Names, characters, places, and incidents are used fictitiously and are a product of the author's imagination.

Русификация обложки *Ольги Жуковой*

Лори, Даниэль.

Л78 Сумасшедшая одержимость : роман / Даниэль Лори; пер. с англ. А. Никулиной. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 416 с. – (Love & Mafia).

ISBN 978-5-17-152319-0

Ее платья — слишком облегающие, ее каблук — слишком высокие. Она смеется чересчур громко, ест, позабыв о приличиях, а ее язычок такой острый, что не всякий рискнет перейти ей дорогу. Мало кто знает, что за маской уверенной в себе женщины прячется та, кто боится каждого шороха. Но на публике Джанна никогда не потеряет лица...по крайней мере, так она думала, пока не появился он.

Многие видят в нем образцового поборника нравственности, агента спецслужб, стоящего на защите закона. В криминальном подполье Нью-Йорка, впрочем, его знают как мошенника и убийцу с характером холоднее, чем сердце в его груди. Кристиан Аллистер всегда следовал жизненному пути, который распланировал для себя с юных лет, проведенных под яркими лампами в промозглой, сырой тюремной камере. Благодаря склонности к порядку и фиксации на числе три ему еще ни разу не доводилось сбиваться с намеченного курса. Но, возможно, не стоит быть столь уверенным в своем будущем.

Одной зимней ночью их судьбы переплетаются. Она ненавидит его — его холодные манеры, его заносчивость, его слишком внимательный взгляд. Но с годами их игры во взаимных оскорбления превращаются в привычку. В планах Кристиана никогда не было Джанны. Она — само воплощение хаоса, совсем не в его вкусе и замужем, но ничего из этого не мешает ему каждый раз провожать ее взглядом. И все это время она не знала, что принадлежит ему: она его безумие и его вдохновение. Его самая сумасшедшая одержимость.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Danielle Lori, 2019

© Никулина А., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-152319-0

Моему брату Кори.

*Ты всегда хотел совершить что-то
неординарное, и у тебя это получилось.*

Ты раньше всех нас добрался до рая.

Я буду любить тебя вечно.

Примечание автора:

«Сумасшедшая одержимость» охватывает семь лет жизни Джианны, от двадцати одного до двадцати восьми лет, поэтому я разбила книгу на две части: прошлое и настоящее. В первой части каждая глава от лица Джианны будет касаться нового года ее жизни, а вот с точки зрения Кристиана мы увидим только несколько дней.

Во второй части вы вернетесь в настоящее, происходящее параллельно событиям книги «Сладостное забвение». Так что, если вы еще не читали «Сладостное забвение», но планировали это сделать, настоятельно рекомендую начать именно с нее, а после приступить к прочтению «Сумасшедшей одержимости».

Даниэль

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОШЛОЕ

Глава первая

Кристиан

Нью-Йорк
Сентябрь 2015

Расскажите один факт о себе. Тиканье часов заполняло пространство между нами. Теплые цвета, удобные кресла — эта комната должна была быть уютной, но атмосфере в ней об этом сказать забыли; воздух был затхлым и душным, словно каждая произнесенная ложь оставалась в этом помещении навсегда.

Я прищурился, мысленно возвращаясь к тому, как подмигнул мне вчера Кайл Шитс. Он тоже через все это недавно прошел, хоть и по другому обвинению, и каким-то образом выболтал себе прощение за анимешную порнуху на офисном компьютере. Хоть я и был воплощением лжи, от перспективы оказаться в одной категории с тем подонком меня перекашивало. Да он же кроссовки с костюмом носит, черт возьми!

Потерев подбородок ладонью, я честно признался:

— Я увлекающаяся натура.

Доктор Саша Тейлор не сдержала мелькнувшее в глазах удивление и, чтобы скрыть эту инстинктивную реакцию, опустила взгляд на папку с делом. На ее костюме не было ни единой складки. Она закончила Йельский университет и происходила из богатой семьи. Тридцатиоднолетняя и светловолосая, она была олицетворением того, что я искал в женщинах: ум, красота, стиль.

— И чем увлекаетесь? Алкоголь? — спросила она.

Я покачал головой.

— Наркотики?

«Жить было бы проще».

— Женщины?

«Женщина».

Я снова покачал головой, но на этот раз с улыбкой.

Она перевела взгляд на мои губы, сглотнула и отвела глаза.

— Мы еще вернемся к этому вопросу. — Она сделала паузу. — Вы знаете, почему находитесь здесь?

Я ответил ей пустым взглядом.

Она вздрогнула.

— Ну конечно же знаете. Связан ли... тот слу-чай... с вашим увлечением?

Я сконцентрировался на ее ярко-красных туфлях, возненавидев себя за то, что моей слабостью не было что-нибудь помельче, вроде аниме-порно. Не задумываясь обменял бы на это свою *проблему*.

«Ты публично прокололся, Аллистер. Следуй протоколу, больше я ничего сделать не могу».

Эти слова подвели меня под монастырь.

Я не был хорошим человеком, а мои работодатели были и того и хуже. Тем не менее я очень рано понял, что мир не делится на черное и белое. Иногда люди перемазываются в черном так сильно,

что уже не могут вернуться на свет, а иногда тьма оказывается для них *подходящей*. Хотя я и не от-носил себя к последним, я не собирался рисковать всем, чего достиг. Я слишком упорно добивался своей цели, чтобы потерять все из-за женщины. И уж тем более из-за женщины, которая одевается, как плод любви Бритни Спирс и Курта Кобейна.

— Нет, — соврал я.

Если бы я был с ней честен, то меня бы упекли в психушку, но, что еще вероятнее, — Бюро бы заставило Сашу Тейлор исчезнуть навсегда.

— Некоторые считают, что дело в женщине, — осторожно предположила она.

Я вскинул бровь.

— Вы одна из этих *некоторых*, Саша?

— Нет.

— Почему?

— Вы выглядите слишком... рассудительным, чтобы так вести себя из-за женщины.

«Холодным». Вот что она на самом деле хотела сказать.

И она была права — по крайней мере, могла бы быть, — но в той раздражающей ситуации, из-за которой я здесь оказался, не было ничего обычного. Холод всегда был мне близок, в самом буквальном смысле этого слова, но теперь мне до него было как до Багдада. Внутри моей груди пылал огонь, и его языки дотягивались до останков души.

Саша поерзала и закинула ногу на ногу.

— Возвращаясь к вопросу о вашем увлечении... Вы часто позволяете себе получить желаемое?

От одной только мысли о том, что я бы мог вкусить желаемую сладость, сердце забилось быстрее, а мне стало жарко и беспокойно. Я ненавижу ту женщину за то, что она на долгие годы превратила мою жизнь в ад, но отрицать было бесполезно — я хотел ее коснуться, хотел трахнуть ее

так, чтобы она забыла всех других мужчин в своей жизни, чтобы она стала хотя бы вполовину так же одержима мной, как я был ею, чтобы она больше никогда в жизни не забыла мое имя.

Я провел языком по зубам и затолкал эти чувства как можно глубже, но это совершенно не могло расслабиться.

— Никогда.

— Почему?

Я встретился с ней глазами.

— Потому что тогда оно победит.

— А вы не любите проигрывать? — Она закончила предложение с выдохом.

Казалось, я почти мог слышать отчаянный стук ее сердца, пока мы смотрели друг на друга в душной тишине.

Она заправила за ухо прядь волос и перевела взгляд на свои бумаги, пробормотав:

— Да, не любите.

Тиканье часов грубо вторглось в наш разговор, напоминая грозящую взорваться бомбу. Саша бросила на них взгляд и сказала:

— Последний вопрос, прежде чем наша встреча подойдет к концу. Как вы справляетесь со своим «увлечением»?

«Легко».

— С помощью порядка.

— Вы предпочитаете порядок? — переспросила она. — В каких областях?

— Во всех.

Она покраснела и прочистила горло.

— А что вы делаете, когда в вашу жизнь врывается беспорядок?

Перед моими глазами мелькнули густые волосы — иногда каштановые, иногда светлые, — гладкая оливковая кожа, босые ноги и все остальное, что было для меня запретно.

Огонь в моей груди разгорелся еще жарче, стало тяжело дышать. Обычно боль действовала на меня как наркотик, но когда речь шла о Джинанне Руссо — простите, *Марино*, — боль становилась похмельем. Тошнотворным. Отвратительно горьким.

Я ответил сквозь стиснутые зубы:

— Тогда я его упорядочиваю. — Поднявшись на ноги, я застегнул пиджак и направился к двери.

— Но что, если случай запущенный? — надавила она, вскакивая на ноги и сжимая мое дело в руках.

Я остановился, держась одной рукой за дверную ручку, и бросил взгляд на запястье, где под манжетой рубашки скрывалась резинка для волос.

Внутренний голос призывал ответить язвительно.

— Вот тогда, Саша, я становлюсь *одержим*.

Глава вторая

Джуанна

21 год
Декабрь 2012

Я нашла свое счастье в свернутой долларовой купюре и белом порошке. Иногда они приносили мне эйфорию — такую эйфорию, от которой бурлит кровь в венах, сердце колотится быстрее и весь мир падает к твоим ногам. Как после секса, только без чувства пустоты.

А иногда они были лишь инструментом. Одна дорожка — и все неурядицы, каждый синяк, стирались из памяти. Всего одна дорожка — и я становилась свободной.

Порой это заканчивалось резким порывом воздуха и скрипом захлопывающейся передо мной металлической двери.

Эхо рикошетом отскочило от стен и ударило по барабанным перепонкам как пинбольный шарик. Я сглотнула, услышав, как закрылся засов.

Шагнув вперед, я схватилась за железные прутья.

— Мне же положен один звонок, правда?

Полицейская, латиноамериканка лет двадцати с чем-то, положила руки на пояс и, нахмутив темные брови, окинула меня взглядом.

— Сегодня не твой день, принцесса. Если мне придется смотреть на это отвратительное

платье, — она кивнула на мое красное, восхитительно кружевное платье от «МакКвин», — еще хоть минуту, у меня голова будет раскаливаться до конца смены.

Я попыталась прикусить язык, но не успела.

— Можешь сколько угодно винить в этом мое платье, но мы обе знаем, что башка у тебя будет трещать из-за старческого пучка на твоей макушке, *cogliona*.

Прищурившись, она шагнула в мою сторону.

— Как ты меня назвала?

— Воу, — вмешалась другая полицейская, положив руку на плечо коллеги. — Мартинез, пойдём.

Латина враждебно посмотрела на меня, а потом удалилась вместе с напарницей.

Я развернулась, уже готовая начать метаться от стенки к стенке, но обнаружила, что в камере не одна. Рыжая проститутка, давно уже не в расцвете сил, сидела в углу и наблюдала за мной сквозь слипшиеся от туши ресницы. Ее тональник был на несколько тонов темнее бледной кожи, а сетчатые колготки в дырках.

— Они не забрали твою обувь.

Я взглянула на свои красные туфли от «Джимми Чу».

— Красивые, — сказала она, отколупывая лак с ногтей.

Посмотрев на ее голые ноги, я вздохнула и села на лавку рядом с ней.

Они не забрали мою обувь, потому что мне не грозило остаться в камере надолго. Вне всяких сомнений, уже через несколько минут за мной должна была прийти какая-нибудь важная шишка в костюме не по размеру, чтобы отвести меня куда-нибудь, где есть диван и кофе — чтобы там, в комфорте, я разговорилась и вывалила им все секреты «Коза Ностра».

«Позорище».

«Ничтожество».

«Как тебя любить такую?»

Я пожевала нижнюю губу, чувствуя, как в груди зарождается тревога.

— Сколько стоили? — спросила моя соседка, и в тот же момент в конце коридора хлопнула дверь. От эха этого звука волоски на моих руках встали дыбом.

Я слышала его раньше, чем увидела.

И сразу поняла, что за мной прислали федерала.

Профессиональный и безразличный голос с неуловимой ноткой в каждом слове, острый и жесткий, словно тайный грех, который держат запертым глубоко в душе.

Его следующее слово — *Джианна* — скользнуло по моей шее словно прикосновение стальных крыльев к чувствительной коже. Я стерла это ощущение рукой, перекинув волосы через плечо.

— Думаю, неприлично много, — наконец ответила я, звуча так, словно забыла, как дышать.

Проститутка кивнула, как будто ей что-то стало понятнее.

Она была очень красива — несмотря на макияж, помутневшие от злоупотребления наркотиками глаза и годы обслуживания, конечно же, самых лучших мужчин Нью-Йорка.

Родственная душа, иначе и не назвать.

Голос федерала снова донесся до моих ушей, на этот раз ближе; он разговаривал с Мартинез. Шум в других камерах мешал, но я слышала, как смягчился ее голос, как дали о себе знать латинские корни в ее произношении.

Я закатила глаза. Служебный роман.

«Как это мило».

Впрочем, непохоже, что он купился. Я кожей чувствовала его незаинтересованность, слышала холод в его голосе.

Меня пробрала дрожь.

Господи Боже, он всего лишь *федерал*. Меня с рождения окружали мафиози.

Я откинулась назад с безразличием, от которого на самом деле была далека, и накрутила на палец прядь темных волос.

Помещение стало меньше, стены вокруг меня начали смыкаться, как и много раз до этого.

Я медленно вдохнула. Выдохнула.

Повернула голову и выглянула.

Мартинез стояла в коридоре и смотрела в спину направлявшегося ко мне федерала с чистейшим и безответным обожанием во взгляде.

Наверное, все мы в каком-то смысле родственные души.

Металлические прутья разделяли его силуэт, пока он шел мимо других камер, не достаивая их взглядом. Непринужденная походка, расправленные плечи, расслабленные руки — все его естество излучало уверенность в себе и сулило сплошное разрушение, словно кирпичи, цемент и женские сердца превращались в пепел по одной его прихоти.

Он поднял глаза и поймал мой взгляд своим, тяжелым и бесстрастным, словно смотрел сквозь меня.

Мое сердце заледенело в груди.

Мы смотрели друг на друга всего секунду, но момент растянулся как в замедленной съемке и выбил весь воздух из моих легких. Я скрестила ноги, обнажив бедра. Чувство безопасности окутало меня теплым одеялом. Пока мужчины смотрят на мое тело, они никогда не увидят то, что кроется в моем взгляде.

И все равно, дойдя до моей камеры, первым делом он заглянул мне в глаза. Бессердечные. Наглые. *Синие*. Его взгляд обжигал, как если бы я стояла в жаркий летний день перед открытой дверцей холодильника, когда холодный воздух сталкивается с горячим и становится облачками пара.

Он стоял перед запертой дверью, и я кожей чувствовала исходящую от него опасность даже с расстояния нескольких метров. Не оставалось никаких сомнений, что на самом деле дверь заперла его, а не меня.

Тусклый коридорный свет мерцал над его головой.

Темные волосы, явно рукой мастера, были коротко сбиты на висках, с плавным переходом на макушку. Широкие плечи, четкие черные линии, костюм, идеально подогаанный под его спортивное тело. Контроль. Точность. Все в его внешности кричало об опасности, как яркие полосы на ядовитой змее.

Но примечательнее всего было его лицо. Симметричное, с безупречными пропорциями. Даже холодное, каменное выражение его не портило. На второй взгляд обнаруживалось тело, из тех, от одного вида которого женщины стонут, а на третий — в каждом его движении прослеживался интеллект, словно все вокруг были шахматными фигурами, а он размышлял, как нами лучше сыграть.

Дверь камеры открылась, мое сердце подскочило, и я переключила внимание на бетонную стену перед собой.

— Руссо.

«Ну уж нет».

«Ни за что».

Если я пойду с ним, меня продадут в рабство и больше никто никогда меня не увидит. Федерал или нет, но судя по глазам и общему впечатлению, этот мужчина видел и делал такие вещи, которые нормальному мафиози и не снились.

Я молчала.

Я твердо собиралась сидеть здесь и ждать другого федерала — того, что в костюме не по размеру.

Он бросил взгляд на проститутку.

— Меня зовут Черри, — сказала она с улыбкой, — но ты можешь звать меня как угодно.

У некоторых женщин напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

Он потер пальцем часы на запястье, один раз, два, три.

— Я учту, — последовал краткий ответ.

Моя кожа вспыхнула, когда он переключил внимание на меня. Его глаза скользнули по моему телу, оставляя за собой дорожку изо льда и пламени, а затем неодобрительно сузились. И в этот момент все то опасение, что он вызывал, глядя на меня, как на человека, а не как на тело, испарилось, и он превратился в обычного мужчину.

Который меня осуждал, чего-то от меня хотел...

— Вставай.

...и говорил мне, что делать.

Раздражение лениво и осторожно загоралось в моей груди.

Я собиралась подождать три секунды, прежде чем подчиниться, но через две внезапно и очень четко поняла, что до третьей не доживу.

Подчинившись, я поднялась на ноги и остановилась перед открытой дверью. Теперь я стояла в его тени, и даже она казалась ледяной.

Я ненавидела высоких мужчин, то, как они всегда смотрели на меня сверху вниз и нависали, как туча, закрывающая солнце. Крупные мужчины

заправляли всем с незапамятных времен — в тот момент, взявшись за металлические прутья и посмотрев в синие глаза, я ни в чем в жизни не была так уверена.

В ответ на меня смотрело чистое нетерпение.

— Не знаешь, как тебя зовут, или забыла? — его плавный и низкий голос огнем прошелся по моему позвоночнику.

Я дернула плечом и, словно это что-то объясняло, ответила:

— На тебе костюм нормально сидит.

— Чего не могу сказать о тебе, — протянул он.

«*Вот же хамло*».

Я прищурилась.

— Это платье от «*МакКвин*», и сидит оно на мне идеально.

Судя по его лицу, ему было бы плевать, даже если бы ему заплатили за интерес. Он открыл дверь, и мою кожу обдало холодным порывом воздуха.

— Пошла, — приказал он.

То, как он это сказал, действовало мне на нервы, но я уже назвалась груздем, пора было лезть в кузов. С колотящимся в ушах сердцем я вышла из камеры, нырнула под его руку и направилась по коридору.

Со всех сторон раздался свист.

Может, моя кожа и была мягкой, но за двадцать один год жизни под ней сформировалась броня. Слова, насмешки и свист отскакивали от меня и исчезали в небытии — там, где умирают синяки.

В кровь хлынул адреналин. Резкий свет. Затхлый воздух. Скрип ботинок полицейских.

Дойдя до развилки в конце коридора, я была так увлечена мыслями о своем положении и мужчине позади меня, что, когда он велел повернуть направо, повернула налево.